

А.В. Кравченко, О.Н. Баклашкина

Байкальский государственный университет экономики и права, Иркутск

О грамматическом значении английского причастия

Аннотация: Затрагивается проблема грамматического значения английского причастия, которое является неопределенным как в теоретических, так и в практических грамматиках. Делается предположение, что когнитивный подход в рамках когнитивной теории времени и вида сможет помочь лучшему пониманию грамматического значения причастия.

It is argued that the grammatical meaning of the English participle remains unspecified in current theoretical and applied grammar studies. It is suggested that a cognitive approach in the frame of the Cognitive Theory of Tense and Aspect may facilitate a better understanding of the meaning of the English participle.

Ключевые слова: когниция, когнитивная семантика, грамматическое значение, грамматическая категория, перцепция.

Cognition, cognitive semantics, grammatical meaning, grammatical category, perception.

УДК: 811.111'367.6.

Контактная информация: Иркутск, ул. Ленина, 11. БГУЭП, кафедра иностранных языков. Тел. (3952) 255989. E-mail: sashakr@hotmail.com; olesyanb@yandex.ru.

1. Грамматические категории и когниция

Грамматическое значение как присущее всем словам класса содержание выражается набором регулярных противопоставленных грамматических форм (морфологических оппозиций). Следовательно, наличие таких противопоставлений должно говорить о том, что с их помощью выражается определенное грамматическое значение. Так, противопоставление форм существительных типа book – books, house – houses служит выражению значения «единичности-множественности» и образует грамматическую категорию числа.

В английском языке существуют регулярные противопоставления глагольных форм типа work – working, make – making и т. п., известных как «инфинитив» и «причастие настоящего времени», соответственно. Однако, хотя в грамматиках делаются попытки описать и объяснить особенности их значения и функционирования, вопрос о том, какое грамматическое значение выражается в таких оппозициях – и, соответственно, с какой грамматической категорией мы имеем дело – остается, так сказать, «за кадром». Такое положение дел, конечно же, нельзя считать удовлетворительным.

В традиционной грамматике значение рассматривается как конечный эксплицитный набор семантических признаков, ассоциируемых с определенной формой, тогда как в когнитивной парадигме эти признаки рассматриваются как

собрание имеющихся у нас представлений о мире, которые приобретаются через естественный язык и с помощью языка. Исходя из этого, главной задачей грамматической (морфологической) теории должно быть выявление отношений между языковыми структурами и стоящими за ними (но не отдельно от них) когнитивными структурами [см.: Баклашкина, 2003; Кравченко, 2011]. Сегодня все больше лингвистов склоняется к тому, что грамматические категории следует рассматривать не в терминах правил, созданных для употребления языковых знаков, а в терминах когнитивной категоризации, отражающей опыт окружающего нас мира [Heine, 1997; Баклашкина, 2004; Kravchenko, 2012], поскольку усвоение грамматики любого языка начинается в раннем детстве и продолжается по мере развития ребенка в процессе его взаимодействия с миром [Stromswold, 1999]. В свою очередь, в основе приобретения всякого опыта лежит чувственное восприятие, поэтому вполне естественно исходить из того, что особенности восприятия и дискретизации окружающего человека мира находят отражение в том, как устроены те или иные грамматические категории, которые часто имеют *перцептивную основу* [см.: Кравченко, 1996а]. Беда в том, что традиционные грамматические штудии этого, как правило, не учитывают, что заставляет все большее число ученых задаваться вопросом о том, насколько вообще традиционное понятие грамматики адекватно своему объекту [Кравченко, 2008; 2009].

Исследования языка, проводимые в русле современной биологически ориентированной когнитивной науки (т. е. когнитивной науки третьего поколения) позволяют получить новое знание о его устройстве и функционировании. За последние двадцать лет в рамках этой парадигмы были пересмотрены многие традиционные воззрения, как на отдельные языковые явления, так и на природу и функцию языка в целом. В частности, выявлена перцептивная основа целого ряда грамматических и лексико-грамматических категорий и введено в научный обиход понятие наблюдателя как важнейшего когнитивного фактора, участвующего в формировании грамматического и лексического значения [см.: Кравченко, 1993; Кузина, 1996; Попова М., 1997; Татаринова, 1999; Зобнина, 2003; Похолкова, 2003; Попова О., 2007; Верхотурова, 1999, 2004; Kravchenko, 2008 и др.]. Можно и нужно говорить о системном характере соотношения когнитивных факторов «Говорящий» и «Наблюдатель», влияющих на интерпретацию значения языковых единиц разных уровней: в любом высказывании позиция наблюдателя / интерпретатора, его знания и опыт играют главенствующую роль, поскольку «все сказанное сказано наблюдателем» [Матурана, 1996].

2. Причастие как глагольное слово

Если исходить из того, что грамматические явления отражают когнитивный опыт человека, т. е. то, как этот опыт был концептуализирован и категоризирован в языковых формах, то, применительно к причастию настоящего времени, образующему регулярные противопоставления с формами инфинитива, следует поставить вопрос о том, какое общекатегориальное значение выражено таким противопоставлением, и каково частнокатегориальное значение причастия, с одной стороны, и инфинитива, с другой.

Этимологически, англ. *infinitive* восходит к латинскому *īnfīnītē*, что означает ‘в общем виде, вообще, отвлеченно, не имеющее границ, то, что нельзя измерить’ [Дворецкий, 1976]. Инфинитив, как и формы причастий, не способен выражать временные отношения, и действие, обозначенное инфинитивом, как правило, не является частью реальной ситуации, наблюдаемой и описываемой говорящим; оно не ограничено этими рамками, а существует лишь в бесконечном пространстве человеческого сознания [Кравченко, 1992]. Инфинитив выражает общую идею действия, к достижению которой стремится субъект действия. Исторически инфинитив произошел от формы существительного в дательном падеже. В процессе

языковых изменений произошла десемантизация предлога *to*, который в словосочетаниях с инфинитивом показывал адвербиальную функцию склоняемого инфинитива (например, инфинитив цели). Постепенно превращаясь в чисто формальный показатель инфинитива, на рубеже древнеанглийского и среднеанглийского периодов предлог стал употребляться крайне беспорядочно, а самый инфинитив стал восприниматься как глагольное слово, выражающее самую общую идею действия / процесса / состояния безотносительно к каким-то пространственно-временным параметрам. Другими словами, референт инфинитива не может быть локализован в конкретном пространстве-времени через приписывание какому-то лицу, наблюдаемому говорящим – отсюда «нефинитность» инфинитива как его грамматическая характеристика.

Причастие, как и инфинитив, также является нефинитной формой глагола, обозначающей признак имени (лица, предмета), связанный с действием, и употребляемой атрибутивно [ЛЭС, 2000, с. 399]. Сам термин *причастие* является прямой калькой латинского *participium* 'принимающий участие' (от *participio* 'принимаю участие [в чем-л.]'). В английском языке, как и в ряде других европейских языков, есть две основных морфологически различающихся формы причастия: Present Participle и Past Participle. Соответственно, суффиксы *-ing* и *-ed/en*, добавляемые к основе глагола, выражают определенное грамматическое значение. Однако ортодоксальная грамматическая теория, впадая в грех семантицизма, предпочитает не замечать наличия в данном случае классической морфологической оппозиции – и, соответственно, специфического грамматического значения.

Традиционно, термины Present Participle и Past Participle переводятся на русский язык как «причастие настоящего времени» и «причастие прошедшего времени», а в учебниках по грамматике определения *present* и *past*, характеризующие разные формы причастия, трактуются как темпоральные характеристики этих форм. Однако это не что иное, как глубоко укоренившееся заблуждение, а сами эти термины следует рассматривать как пространственные, или локативные [Кравченко, 1992]. В языковой картине мира пространство первично по отношению к времени, что проявляется в так называемом «языковом локализме» [Blok, 1955/56]; в частности, в основе понятия времени как когнитивной структуры лежат пространственные структуры и категории [Кравченко, 1996б].

По сложившейся традиции, грамматики рассматривают время языковое как отражение так называемого «объективного времени», тогда как на самом деле время есть психологический феномен, основанный на перцептуальном опыте [Кравченко, 1996], а ключом к его пониманию служит этимологический анализ соответствующих терминов. Так, англ. *present* восходит к лат. *praesens*, которое состоит из префикса *prae-* 'перед, напротив' и корня *sens* от *sensus* 'чувство'. Соответственно, значение слова *present* – «[то, что] перед чувствами», т. е. то, что непосредственно воспринимается говорящим наблюдателем. В свою очередь, *past* – от лат. *post* 'за, позади' – означает «то, что прошло, чего больше нет [в поле зрения наблюдателя]», поэтому понятие «past» охватывает ту сферу нашего опыта, которая не ассоциируется с текущим наблюдением или созерцанием окружающей действительности, а существует только в нашей памяти. Такое разделение опыта на две сферы – то, что наблюдаемо в данный момент и то, что больше не является предметом нашего наблюдения – составляет основу феноменологического опыта, на котором базируется понятие времени [Кравченко, 1996б; Попова, 1997]. Именно эмпирический опыт субъекта является мерилем выражаемых в языке временных отношений, и в мире, лишенном опыта, нет прошлого, настоящего или будущего [см.: Russell, 1915].

Форма Present Participle может иметь своим референтом:

а) процесс в настоящем: Mr Barvenik insists he is innocent, *saying* the pension payments were largely based on results and were in line with internal agreements [FT Feb. 14, 2002];

б) процесс в прошлом: Mr Myners criticized how costs incurred by fund managers are routinely passed on to their clients, *saying* this reduced the economic incentive to cut expenses [FT May 21, 2003].

в) процесс в будущем: If someone tries to go to the URL of your form, they will receive a message *saying* the form is not public.

Аналогичным образом, референт формы Past Participle может принадлежать различным временным планам:

а) Fee income, *based* largely on the value of funds under management, has dropped with the market [FT Feb. 11, 2002];

б) He added a second recess for some grades *based* on my suggestion.

в) Make your decision *based* solely on the consequences and you will be amazed at the way it changes your life.

Это показывает, что *present* и *past* в названиях форм причастия не являются временными локализаторами, а сами формы причастий не выражают временных отношений. Но что же, в таком случае, выражается этими формами, каково их грамматическое значение?

3. Грамматическое значение причастия

Грамматическое значение – это находящее свое регулярное выражение обобщенное языковое значение, присущее ряду слов, словоформ и синтаксических конструкций. В отличие от лексического, грамматическое значение не сосредоточивается в одном слове, но характерно для ряда регулярно противопоставляемых форм и проявляется абстрагировано от лексического значения слова – вспомним классический пример Л.В. Щербы про «глокую куздру». Именно такое регулярное противопоставление форм мы находим в случае английского причастия и инфинитива, из которых первое является маркированным, а второй – немаркированным членом оппозиции. Более того, вся система так называемых времен в английском языке основана на системном противопоставлении инфинитива и двух форм причастия: инфинитив участвует в образовании простых форм (the Simple Tenses), а причастие – в образовании сложных форм (Perfect, Progressive, Perfect Progressive). Отметим, что собственно временные отношения в случае сложных форм выражаются вспомогательным глаголом (формантом) *be* или *have* синтетически, как и в случае простых времен, где инфинитив принимает суффикс настоящего или прошедшего времени, поэтому противопоставление простых и сложных «времен» по форме смыслового глагола (инфинитив vs. причастие) не связано с выражением временных отношений *в принципе*. Но, несмотря на то, что это противопоставление носит *системный* характер, существующие грамматики, как это ни парадоксально, не видят в этом проявления некоей базовой грамматической категории, а предлагаемые ими объяснения с использованием понятия глагольного вида лишь запутывают ситуацию, поскольку классическая категория глагольного вида основана на глубоком заблуждении, порожденном традицией семантического логицизма в толковании грамматических категорий [см. критику в: Кравченко, 1995].

Поскольку «все сказанное сказано наблюдателем», фактор Наблюдателя играет важнейшую роль в понимании того, как устроена языковая система, и, как показали исследования перцептивной основы различных языковых категорий [Кравченко, 1990; 1992; 1993, 1999, Kravchenko, 2012], указание или отсутствие указания на наблюдателя образует базовую концептуальную структуру, лежащую в основе многих языковых категорий. В рамках когнитивной теории времени и вида [Кравченко, 1990; Kravchenko, 2002] базовым для глагольных форм является противопоставление по наличию / отсутствию указания на наблюдателя как источник информации, и именно оно отображено в противопоставлении «инфинитив – причастие» [см.: Баклашкина, 2005; 2009]. Суффиксы, которыми разли-

чаются формы Past Participle и Present Participle, являются эпистемическими показателями, указывающими на чувственную данность процесса или возникшего признака [Кравченко, 1996а]. Применительно к причастию как маркированному члену оппозиции «инфинитив-причастие», указание на наблюдаемость (признака) действия в описываемой ситуации и составляет его частнокатегориальное значение, а сама оппозиция является основой для выражения базовой грамматической категории – в данном случае, категории вида как когнитивной структуры, отображающей два вида категоризованного знания, феноменологического (уровень компетенции Наблюдателя) и структурального (уровень компетенции Говорящего) [см. Кравченко, 1993; Баклашкина, 2005; Кравченко, Баклашкина, 2012]. Но в чем, в таком случае, состоит отличие формы Present Participle от Past Participle?

В основе идентификации процессов, являющихся референтами причастных форм, лежит, в одном случае, непосредственное восприятие наблюдателем процесса (Present Participle), в другом – возникшего состояния (Past Participle). Форма Present Participle всегда употребляется в контекстах, где мы можем определить наблюдателя этого действия, он может быть либо эксплицирован лексически, либо имплицитно грамматически в самом предложении или в ближайшем контексте; наряду с видо-временными формами глагола причастия участвуют в построении прагматической перспективы предложения / текста [Баклашкина, 2009]. Форма Past Participle также указывает на наблюдателя, но не на наблюдателя соответствующих процессов, а на наблюдателя ситуации, определенные видимые признаки которой он объясняет каузально, например:

«They're screaming for you in Grenville, Rhino» (слова сестры-хозяйки в больнице).

«*Going, gone,*» Jim retorted briskly and with a jerky «Night, all,» he humped his way to Grenville dormitory, where he was pledged to finish a story by John Buchan [Carré: 275].

В традиционных грамматиках такой пример был бы, скорее всего, проинтерпретирован как случай эллипсиса (*I'm going, I'm gone* «Ухожу, ушел»), тогда как на самом деле здесь проявляется индексальная функция причастия, связанная с указанием на наблюдаемость ситуации, так сказать, в чистом виде. Употребляя соответствующие формы, говорящий (Джим) категоризирует наблюдаемую им самим и сестрой-хозяйкой ситуацию как быструю смену положения дел, по времени совпадающую с произносимыми им словами *going, gone*. Произнося: «*Going, gone,*», говорящий, хотя и является по определению наблюдателем, приписывает роль наблюдателя сестре-хозяйке, поскольку смысл его высказывания можно представить так: «Ты видишь меня здесь и сейчас (*going*), а теперь уже не видишь (*gone*)».

Таким образом, грамматическое значение причастия заключается в указании на наблюдаемость описываемой ситуации; это, в свою очередь, позволяет идентифицировать фигуру наблюдателя как источник сообщаемой в высказывании информации. Указание на наблюдаемость (признака) действия или ситуации в целом как системное значение причастия определяет особенности функционирования форм Present Participle и Past Participle в предложении, накладывая определенные ограничения – например, на употребление сложных форм в атрибутивной функции. Однако это уже тема отдельного разговора.

Литература

Баклашкина О.Н. Когнитивные структуры в грамматических категориях // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Бийск, 2003. С. 9–12.

Баклашкина О.Н. Роль перцептуальных процессов при категоризации и концептуализации мира (на примере неличных форм английского глагола) // Образ человека и человеческий фактор в языке: словарь, грамматика, текст. Екатеринбург, 2004. С. 77–79.

Баклашкина О.Н. Фигуры «Наблюдатель» и «Говорящий» в конструкциях с Present Participle в английском языке // Лингвистические парадигмы и лингводидактика. Иркутск, 2005. Ч. 1. С. 136–141.

Баклашкина О.Н. Говорящий и наблюдатель: прагматическая перспектива предложения / высказывания // Проблемы концептуальной систематики языка и речевой деятельности. Иркутск, 2009. С. 22–28.

Верхотурова Т.Л. Синтаксическая семантика и фактор наблюдаемости // Когнитивные аспекты языкового значения 2: Говорящий и Наблюдатель. Иркутск, 1999. С. 43–53.

Верхотурова Т.Л. Наблюдаемость в языке (на материале русских и английских перцептивных глаголов) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. №2/3. С. 14–26.

Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М., 1976.

Зобнина Т.Б. Когнитивный аспект вариативности в возвратных конструкциях с псевдорефлексивными глаголами и глаголами пространственного значения в английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2003.

Кравченко А.В. К когнитивной теории времени и вида // Филологические науки. 1990. № 6. С. 81–90.

Кравченко А.В. Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейк-тичность. Индексальность. Иркутск, 1992.

Кравченко А.В. К проблеме наблюдателя как системообразующего фактора в языке // Изв. РАН. Сер. Лит. и яз. 1993. Т. 52. № 3. С. 45–55.

Кравченко А.В. Глагольный вид и картина мира // Известия РАН. Сер. Лит. и яз. 1995. Т. 54. № 1. С. 49–64.

Кравченко А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск, 1996а.

Кравченко А.В. Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке // Известия РАН. Сер. Лит. и яз. 1996б. Т. 55. № 3. С. 3–24.

Кравченко, 1999 – Когнитивные аспекты языкового значения 2: Говорящий и наблюдатель / А.В. Кравченко. Иркутск, 1999.

Кравченко А.В. Наука, здравый смысл и понятие грамматики: к постановке проблемы // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Владикавказ, 2008. Вып. 10. С. 29–36.

Кравченко А.В. Об адекватности понятия грамматики в традиционном языкознании (взгляд с позиции биологии познания) // Gramatyka a Tekst / H. Fontański, J. Lubocha-Kruglik. Katowice, 2009. Т. II. S. 7–48.

Кравченко А.В. Что такое «когнитивная структура», или об одном распространенном заблуждении // Когнитивные исследования языка. М.; Тамбов, 2011. Вып. 9: Взаимодействие когнитивных и языковых структур. С. 96–104.

Кравченко А.В., Баклашкина О.Н. Когнитивный аспект семантики английского инфинитива // Известия ИГЭА. 2012. С. 218–223.

Кузина И.Ю. Референциальные особенности активных и пассивных конструкций с квантификаторами: Дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1996.

ЛЭС – Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 2000.

Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. М., 1996. С. 95–142.

Попова М.И. Когнитивная основа пространственной модели временных отношений в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1997.

Попова О.В. Функциональные особенности английских личных местоимений в когнитивном аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2007.

Похолкова А.Г. Когнитивная семантика указательного местоимения ЭТО: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2003.

Татаринова Л.В. Референциальные особенности английских указательных местоимений в когнитивном аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1999.

Blok H.P. (1955/56). Localism and deixis in Bantu linguistics // *Lingua*. Vol. 5. № 4. P. 382–419.

Heine B. *Cognitive Foundations of Grammar*. New York; Oxford, 1997.

Kravchenko A.V. A cognitive account of tense and aspect: resurrecting «dead» metaphors // *Anglophonia. French Journal of English Studies*, 12. 2002. P. 199–212.

Kravchenko A.V. *Biology of Cognition and Linguistic Analysis: From non-realist linguistics to a realistic language science*. Frankfurt/Main etc., 2008.

Kravchenko A.V. Grammar as semiosis and cognitive dynamics // *Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions*. Newcastle upon Tyne, 2012.

Russell B. On the experience of time // *The Monist*. 1915. Vol. 25. № 2. P. 212 – 233.

Stromswold K. Cognitive and Neural Aspects of Language Acquisition // *What is cognitive science?* / Lepore E., Pylishyn Z. (eds). Blackwell, 1999. P. 356–400.